

— А! А! А! — Император с диким криком распахнул глаза. Перед взором по-прежнему простирались привычные узоры на пологѣ его ложа. Сердце колотилось так яростно, что шум в ушах заглушал все остальные звуки, а тело сотрясалоcь от судорожных сокращений, будто оно само стало одним хрупким, испуганным сердцем.

— Сяо Шуныцзы! Сяо Шуныцзы! — Император выкрикнул имя своего самого приближенного главного евнуха. То, что он только что видел — сон или наяву? Он должен немедленно во всем убедиться!

— Сяо Шуныцзы, Сяо Шуныцзы! — Почему он не идет? Неужели даже он покинул его? В исступлении Император сбросил на пол одеяла и подушки, но ярость не утихла: он рванул полог, и тот, сорвавшись с креплений, накрыл его с головой прямо на кровати.

Главный евнух не обязан был дежурить в опочивальне каждую ночь. Юный слуга, никогда не видевший своего повелителя в таком невменяемом состоянии, дрожа, опустился на колени в пяти шагах от кровати:

— Ваше Величество, мы уже послали за Евнухом Ли. Может быть, вы прикажете что-то нам? — Не успел он договорить, как из-под вороха ткани что-то вылетело и угодило прямо в лоб юноше. Тот не успел увернуться, да и не посмел бы — по лицу заструилась кровь.

— Вон! Прочь! Все вон! — Император, закутанный в рваный полог, наконец затих и глухим, низким голосом приказал перепуганным до смерти слугам убираться.

— Раб приветствует Императора. — Ли Цюаньшунь, которого среди ночи вытащили из теплой постели перепуганные мальчишки с криками о том, что повелитель сошел с ума, наспех накинул одежду и примчался к покоям. Он опустился на колени перед ложем, ожидая худшего. Услышав жалобный плач евнухов, он решил, что те просто не нюхали пороха и преувеличивают, но, войдя внутрь, он похолодел.

— Сяо Шуныцзы! Не было ли только что вестей от летучего гонца из Динчжоу? — Увидев, что Ли Цюаньшунь на коленях, Император высунул голову из-под полога и с дрожью в голосе спросил.

— Ваше Величество, из Динчжоу пока не поступало никаких сообщений, — твердо ответил Ли Цюаньшунь. Император спрашивал об этом перед сном, и не было причин задавать тот же вопрос снова.

— Но я... я видел, как кто-то вошел в мою спальню... в руках... в руках он держал... отрубленную голову Юэ Инъяна! — Император соскочил с кровати, запутавшись в сетчатом пологѣ, как в рыболовной сети, и бросился прятаться за спину коленопреклоненного Ли Цюаньшуня, словно та жуткая голова до сих пор лежала на его постели.

— Ваше Величество... Ваш слуга умоляет: отзовите приказ о казни генерала Юэ! Я прошу не

только за него, я прошу за вас самих! — Видя, что Император и вправду выглядит безумным, Ли Цюаньшунь развернулся на коленях и отвесил глубокий поклон.

— Умоляю, одумайтесь! Вспомните, что генерал Юэ пошел на это, заведомо зная, что идет на смерть, но всё же принял приказ! Вспомните, сколько лет он служил вам верой и правдой! Вспомните, как вы сами, не жалея сил, многократно спорили с покойным Императором и пошли на огромный риск, подделав его последнюю волю, лишь бы сохранить Юэ Инъяну жизнь... Ваше Величество, прошу, трижды подумайте! — Ли Цюаньшунь не заботился о том, разгневадается ли повелитель — он хотел лишь спасти Юэ Инъяна. Он выложил всё, чего не знал даже сам генерал. Зачем он это сделал? Юэ Инъян всегда относился к нему как к простому рабу императора, без капли уважения. Ли Цюаньшунь сам не понимал, зачем столько болтает. Но, видя, как два этих великих и могущественных человека никак не могут обрести счастья, он не выдержал.

— Да... когда-то я был одержим бесом, раз противился воле отца, чтобы спасти его. Я был глупцом, раз рискнул подделать императорское завещание ради какой-то жалкой дворцовой собаки... Должно быть, мною кто-то управлял, раз я решил, что он чем-то отличается от других! Отец... отец был прав, на этих людей нельзя положиться... в конечном итоге они всё равно предадут меня! Но я не послушал отца... Однако еще не поздно! Если я прямо сейчас покончу с Юэ Инъяном... если он умрет... я успею исправить эту ошибку. Сяо Шуньцзы, я не совершил ошибки! — Слова Ли Цюаньшуна пробудили в памяти Императора события прошлого.

Впервые это случилось через полгода после того, как Юэ Инъян впервые попал во дворец. Став наставником наследного принца, он долго отказывался учить того боевым искусствам, но в итоге сдался. В тот же вечер покойный Император послал людей убить его. К счастью, принц искал отца и случайно наткнулся на них, успев помешать расправе.

Во второй раз, когда принц перестал держать Юэ Инъяна на цепи, Император вызвал его в сад на поединок с новым победителем экзаменов, но подмешал яд в вино. Тогда Ли Цюаньшунь, будучи еще личным евнухом наследника, случайно подслушал разговор и предупредил принца.

В третий раз в последней воле покойного Императора было четко сказано, что Юэ Инъян порочен, разрушает государственные устои, нарушает мораль и сбивает правителя с пути... список смертных грехов был огромен. Но принц сработал на опережение и заранее подменил документ. Поскольку народ жаждал воцарения наследника, никто не заметил подвоха, ведь во всем остальном завещание осталось прежним.

Теперь, оглядываясь назад, он понимал: тогда он поставил на кон свой титул наследника и сам трон... только ради головы Юэ Инъяна. Ошибся ли он? Он сам дал Юэ Инъяну возможность предать его!

— Ваше Величество, вы не ошиблись! Я видел всё яснее всех: ваше искреннее сердце по отношению к генералу! Генерал Юэ всё понимает! Если вы дадите ему немного времени, он обязательно осознает ваши чувства! Прошу, не перечеркивайте семь лет верности генерала Юэ и, что важнее, не предавайте собственное доверие к нему! Ваш слуга бьет поклоны —

умоляю, не делайте того, о чем сами будете жалеть!

— Я буду... жалеть? Неужели я буду жалеть? — Император, казалось, был задет этим словом. Он затих, погрузившись в раздумья.

— Ваше Величество, жизнь человека — не та вещь, о которой можно пожалеть позже!

— Жизнь? — Император снова повернулся к кровати, словно проверяя, не лежит ли там всё еще та голова.

— Я пожалею? — пробормотал он про себя.

Действительно ли он пожалеет? Пожалеет ли о том, что не оставил пути к отступлению ни для себя, ни для Юэ Инъяна? Он не мог забыть тот миг из сна, когда увидел голову Юэ Инъяна! Даже перед лицом собственной смерти он не чувствовал такого отчаяния. Если бы сейчас перед ним действительно лежала его голова... Лишь от одной этой мысли у Императора потемнело в глазах, ледяной холод пробежал по спине, а сердце и разум онемели. Да... он пожалеет. Спустя десять дней после того, как Юэ Инъян отправился в поход.

— Ваше Величество, если сейчас отправить гонца, мы успеем! Вы ведь приказывали действовать лишь на поле боя и незаметно. Генерал в пути всего десять дней, до фронта еще столько же. Войско движется медленно — если отправить летучего гонца, он настигнет их до начала битвы! — Его слова подействовали. Император, казалось, действительно готов был отозвать приказ.

— Передать указ: вызвать ко мне начальника личной гвардии Кунь Вэньбана! — Раз уж он жалеет, он сделает всё, чтобы предотвратить катастрофу. Он не из тех, кто до последнего будет упорствовать в своих ошибках. Раз еще не поздно, лучше предотвратить беду!

Юэ Инъян, если ты всё еще жив, значит ли это, что тебе суждено быть связанным со мной... до самого конца?

— Великий генерал Ван, со стороны столицы скачет гонец. — Как и ожидалось, спустя семь дней посланник Императора нагнал основные силы, которые отставали от армии Юэ Инъяна всего на день пути.

— Остановить его, сначала выясните, есть ли при нем императорский указ. — Великому генералу Вану было около пятидесяти, он был самым влиятельным среди военачальников старой закалки. Из-за того, что Юэ Инъян был возвышен вне очереди, между ними возникали трения. Они командовали разными армиями: Ван защищал западные рубежи, Юэ — северные. Но в этот раз Император специально поставил Юэ под начало Вана, желая немного поучить выскочку.

— Слушаюсь, генерал! — Солдат развернулся и ускакал.

Через полчаса перед ним предстал человек, связанный по рукам и ногам.

— Великий генерал Ван, у меня срочный указ для генерала Юэ, стоящего впереди. Прошу, не чините препятствий! — Посланец был в грязи, с растрепанными волосами, явно после схватки.

— Если у Императора есть указ, почему он адресован не мне, а этому Юэ Инъяну? — Ван всегда презирал этого выкормыша, бывшего наставника принца, который вилял хвостом перед Императором, а за спиной строил из себя благородного мужа. Если бы он хоть раз поймал его на чем-то серьезном, то давно бы донес на него.

— Генерал, я всего лишь гонец, зачем вам усложнять мою жизнь? — В подкладке его одежды скрывалось дело государственной важности. Император приказал: если не доставит указ вовремя — может не возвращаться.

— Хорошо, вижу, ты предан Императору. Попробуй его! Посмотрим, заговорит ли он! — Раз ему не говорят, тем сильнее становится его любопытство.

— Великий генерал Ван! Это же обман монарха! Одумайтесь... — Посланца поволокли прочь, заткнув ему рот. Он не мог поверить, что будучи гонцом, получил такое обращение в своем же лагере!

— Спасибо за совет, бейте сильнее! — Конечно, он понимал, что нельзя доводить до сведения Императора, но на поле боя человек может исчезнуть бесследно... Хе-хе.

— Генерал, он потерял сознание, но ничего не сказал. В подкладке его одежды нашли записку. — Палач передал бумагу, завернутую в промасленную ткань, испачканную кровью.

Ван развернул сверток и увидел на месте соединения бумаги и обертки императорскую печать!

— Ха-ха, это именно то, что нам нужно! — Похоже, гонец спрятал послание в одежде. Это судьба!

Ван осторожно развернул туго свернутую записку, но в ярости разорвал её в клочья. На ней было написано всего пять слов: «План изменен, беречь Орла!». Почерк был определенно императорский. Но что за план и что изменилось?..

— Заключение не убивать, может еще пригодиться. — Решил он.

— Генерал, противник явно уступает нам в численности, но при этом выстроился в боевой порядок на равнине. Это странно, — в палатке Юэ Инъяна собрались все командиры. Военный

советник Лю высказал свои опасения после того, как Му Цзунбао предложил немедленно атаковать.

— Мы не знаем местности, может, стоит дожждаться основных сил Великого генерала Вана? — Военный советник Сунь поддержал его.

— Но ведь преимущество на нашей стороне! Если подождем их главные силы, упустим шанс сломить вражеский дух! — возмутился Му Цзунбао.

— Довольно! Я уже отправил гонца к Великому генералу Вану. Атаковать или обороняться — решим вечером, когда вернутся вести. Сейчас — две тысячи человек на рытье рвов вокруг лагеря, проверить все арбалеты и запасы стрел, подготовиться к бою! — Юэ Инъян свернул карту.

— Генерал... — Му Цзунбао, выходя последним, указал на подозрительного младшего офицера, который молча вышел из палатки, но Юэ Инъян лишь кивнул и жестом отослал его.

Он мог лишь подготовить всё на случай своего отсутствия, чтобы армия не осталась без командования. Хотя генерал Ван был в тылу, он должен был получить донесения о том, что враг заманивает их в ловушку, и приказать ждать подкрепления. У них будет хотя бы день.

Вечером прискакал гонец от Великого генерала Вана с приказом: врагу нельзя дать закрепиться! Ночной налет!

Ночь выдалась лунной и ясной. Даже в тени можно было всё разглядеть на пять метров вокруг. Любой, кто хоть немного понимал в военном деле, знал: такие условия не подходят для скрытной атаки. Тем более, что лагерь врага был защищен холмом сзади и рвами спереди — классическое построение.

Но приказ есть приказ. Даже с сомнением в душе, Юэ Инъян облачился в черный доспех и повел три тысячи воинов в тени в километре от вражеских позиций.

— Генерал, Му доложил, что камни и бревна для завала подготовлены. Можно начинать! — передал связной.

— Хорошо! Наш шанс! Сожжем припасы и немедленно отходим. — Юэ Инъян смотрел на лагерь, где мерцали огни, и чувствовал тревогу. Его целью было не истребление врага, а хаос в их рядах.

— Есть! — Солдаты, видя, что военачальник идет с ними, приободрились.

— Доклад! Найдены загоны для лошадей! — Хорошие новости следовали одна за другой.

— Парни! Все козыри у нас в руках! Мы обязаны разбить тюрков и вернуть наши земли! — Юэ Инъян взмахнул саблей и первым бросился вперед, за ним — три тысячи воинов.

С левого фланга донесся шум — сотни лошадей, охваченных паникой от огня, помчались в разные стороны. Юэ Инъян прорубал путь сквозь вражеские ряды. Поразительно: враги, не успевшие даже найти оружие, выглядели совсем не так, как описывали свирепых тюрков... Тревога Юэ Инъяна усилилась.

Слишком легкая победа внушала подозрение.

Как только Юэ Инъян загнал хаотично отступающих солдат вглубь лагеря, с холма посыпались камни и бревна. Согласованность была идеальной. В довершение всего, Му Цзунбао и советник Лю начали лить кипящее масло!

В этот момент в тылу врага вновь возник Юэ Инъян. Он взял лук и, выпустив огненную стрелу прямо в амбар с зерном, выполнил главную задачу.

— Не задерживаться, отходим! — скомандовал он.

Однако на пути к основным силам их ждала засада. Из лесополосы внезапно выскочили тюрки, полностью снаряженные и вооруженные до зубов. Юэ Инъян сразу понял: вот они, те самые тюрки из легенд!

Их ночной налет был лишь спектаклем, а те, кого они перебили — просто приманкой.

Началась ожесточенная битва.

— Генерал, левый фланг не держится! Они готовы к бою, а мы — нет, нужно прорываться! — советник Лю с трудом пробился к Юэ Инъяну.

— Держать строй! Иначе никто не уйдет! — Юэ Инъян смотрел на падающих воинов. Если он выживет, то пойдет разбираться с генералом Ваном — именно его неверный приказ стоил жизни его «Армии Орла»!

— Генерал, уходите! Я прикрою! — выскочил Му Цзунбао, весь в крови.

— Разве так должен говорить офицер? Ты испугался? Я — ваш генерал, я не оставлю своих людей! Му Цзунбао, перестраивай правый фланг, мы идем на прорыв! — Юэ Инъян отдал приказ.

Правый фланг отступил, враг на мгновение ослабил хватку, и Юэ Инъян бросил в брешь основные силы. Но тюрки, видя трупы своих сородичей, стали лишь кровожаднее.

Началась свалка. Юэ Инъян махал саблей онемевшей рукой, зная, что если не придумает план, его армия погибнет.

Небо заволочло тучами, видимость упала до нуля. Юэ Инъян шел только вперед. За его спиной — тысячи братьев, у которых дома остались семьи. Его задача — вернуть их живыми.

В центре вражеского строя на них обрушился ливень стрел, но Юэ Инъян, как истинный герой, отбивал их своей саблей. Его доблесть придавала сил воинам. Юэ Инъян издал боевой клич и, пришпорив коня, бросился в самую гущу врага!

Эта безрассудная тактика ошеломила даже тюрков. Их военачальник, видя на лице Юэ Инъяна полуулыбку, вдруг приказал:

— Не стрелять в этого генерала! Живьем взять! Он будет служить мне!

Юэ Инъян почувствовал, как давление ослабло, и ринулся вперед. Он превратился в яростного тигра. Враги, даже самые смелые, терялись перед его напором.

Тюркский генерал от досады чуть не размозжил голову своему коню из-за собственной мимолетной жалости! Он приказал стрелять, но было поздно — Юэ Инъян уже прорвался внутрь!

Но Юэ Инъян знал: цена этой победы будет горькой.

Он сам во главе отряда зашел слишком далеко, а основные силы не успевали следовать за ним, из-за чего он оказался в глубоком одиночестве, что было крайне невыгодно. Видя, как редеют ряды верных воинов вокруг него, Юэ Инъян от злости едва не скроил зубы — виной всему была его минутная опрометчивость! Неподалеку снова раздался крик боли, и еще одного солдата сбили с коня. Юэ Инъян стиснул зубы еще сильнее, наконец натянул поводья и развернул отряд назад, к своим! Пусть сейчас ему удалось совершить удачный прорыв, но когда они соединятся с главными силами, он непременно повторит этот успех!

Разя мечом преграждавших путь тюркских воинов, Юэ Инъян одновременно отбивался от летевших сзади вражеских стрел! Обернувшись вновь, он заметил, что солдат, ехавший с левой стороны, ранен стрелой в левый бок и едва держится в седле. Юэ Инъян протянул руку, даже не задумываясь: если тот сейчас упадет на землю, то наверняка погибнет.

В этот момент сзади настиг свирепый порыв ветра! Одной рукой Юэ Инъян уже ухватился за потерявшего сознание солдата, при этом оставаясь спиной к летящим стрелам, и вдруг отчетливо понял: тот самый момент, которого он ждал, наконец настал! Левая рука взметнулась, втаскивая обмякшего раненого обратно на конскую спину, а рукоять меча в правой руке ударила коня по крупу. Животное взвизгнуло от боли и, пустившись вскачь, помчалось вместе с пострадавшим в сторону союзников.

Все произошло в мгновение ока, и лишь после этого Юэ Инъян выпрямился во весь рост, встречая грудью стрелу, летевшую прямо в него! Тот, кто выпустил ее, явно был искусным стрелком, и стрела, словно по задуманному плану, вонзилась ровно в центр груди Юэ Инъяна!

— Кхе-кхе... — Хлынувшая из горла кровь фонтаном брызнула наружу, но у Юэ Инъяна не было времени даже почувствовать боль. Он обломил слишком длинный хвостик стрелы, ухватился за древко и вырвал его! Действуя без малейших колебаний, Юэ Инъян не дал себе ни секунды на встречу со смертью. Через застигшую глаза кровавую пелену он взглянул на наконечник, все еще испачканный его собственной плотью, и с удовлетворительным усилием швырнул его вперед, пока тот не вонзился в горло вражескому воину!

Му Цзунбао видел, как Юэ Инъяна поразила стрела, прилетевшая неизвестно откуда, и видел, как обломком этой же стрелы он забрал жизнь тюркского солдата. Он хотел окликнуть Лю Иньчжэнь, находившуюся неподалеку, но из горла не вырывалось ни звука. Лишь когда он снова увидел, как другой тюркский воин подскочил и дважды ударил мечом лишнего возможности защищаться Юэ Инъяна, и как фигура Юэ Инъяна — всегда прямая, гордая, шедшая впереди всего отряда и стоявшая десятерых — наконец рухнула вниз, Му Цзунбао испустил дикий рев и бросился вперед, успев подхватить окровавленное, безвольно скользнувшее под копыта тело Юэ Инъяна... На лице Юэ Инъяна застыла та самая саркастическая улыбка, с которой он вонзил наконечник стрелы в горло врага.

— Генерал! Генерал! — Му Цзунбао просто не мог поверить, что тело в его объятиях, испустившее дыхание, принадлежит Юэ Инъяну — человеку крепче железа!

— Хватит здесь засиживаться, уводи генерала! — Лю Иньчжэнь, не видевшая всего начала схватки, с большим трудом пробилась сквозь ряды врагов и, склонившись с седла, потянула за рукав осевшего на землю Му Цзунбао.

— Генерал... Генерал... Он... Уа-а! — Му Цзунбао позволил Лю Иньчжэнь тянуть себя за руку, но сам продолжал сидеть на коленях и, не успев договорить, горько зарыдал.

Вокруг непрерывно сновали бойцы, размахивая мечами и клинками. Мелкая пыль залетала в широко разинутый рот Му Цзунбао и в постепенно расширяющиеся от ужаса глаза Лю Иньчжэнь, а копыта покрупнее, поднимаемые тяжелыми конскими копытами, падали на лицо Юэ Инъяна, которое тот уже никогда не сможет смахнуть рукой.

— Кто! Кто велел тебе бросать грязь в лицо генерала! Твою мать, я прикончу тебя! — Внезапно Му Цзунбао отбросил тело Юэ Инъяна в сторону, вскочил на ноги и набросился на проезжавшего мимо тюркского всадника. Обладая сверхчеловеческой силой, он просто стянул того с коня, и когда длинное копьё в руках Му Цзунбао уже всю терзало чужую грудь, боевой конь убитого врага сделал всего один большой скачок вперед.

— Цзунбао! Опомнись, — Лю Иньчжэнь оттащила потерявшего контроль над собой Му Цзунбао и отмахнулась мечом от коня, едва не наступившего на Юэ Инъяна, причем не проявила ни капли снисхождения даже к лошадям династии Шэн.

— Как ты велишь мне успокоиться?! И как ты сам можешь быть настолько спокоен! — проревел Му Цзунбао в лицо Лю Иньчжэнь, после чего, совершенно забыв про время и место, снова рухнул на землю и принялся обнимать Юэ Инъяна, заливаясь слезами.

Лю Иньчжэнь лишь нахмурился, оставляя безумца в покое. Он несколько раз попытался оценить состояние Юэ Инъяна, но Му Цзунбао каждый раз отталкивал его руки. Зная, что в своем упрямстве Цзунбао не сдвинется с места, даже если его потянут десять быков, он все же понимал, что на кону человеческая жизнь, и отчаянно надеялся на чудо! Так они и замерли в противостоянии. Время от времени бойцы с той или иной стороны случайно забредали в этот вихрь смерти, и оба воина молниеносно вышвыривали их прочь.

В паузах между стычками Лю Иньчжэнь с тревожным сердцем поднимал голову, наблюдая за изменениями на поле боя. Воинов с их стороны продолжало умирать, но благодаря грамотной тактике Юэ Инъяна боевой порядок все еще сохранялся цельным, и продержаться какое-то время было вполне возможно. К тому же каждый сражался из последних сил, и казалось, мало кто замечал происходящее здесь. Лишь небольшой отряд неподалеку заметил неладное и попытался пробиться к ним на помощь, но сделать это оказалось непросто. Немногие личные телохранители, следовавшие за Лю Иньчжэнем и Му Цзунбао, уже поняли, что случилось страшное, но держались стойко, без лишних слов и тени страха отражая вокруг них натиск большинства врагов. Скоро рассветет, и если удастся продержаться до утра, обязательно появится шанс на спасение!

Внезапно взгляд Лю Иньчжэня привлекло движение в рядах противника.

В тылу вражеской армии, до того сохранявшем железный порядок, поднялось густое облако пыли — казалось, будто крупные силы прорывают окружение. В сердце Лю Иньчжэня забрезжил слабый лучик надежды: возможно, наконец прибыл авангард великого генерала Ван!

— Цзунбао! Цзунбао, взгляни! Вражеский строй дрогнул, это наверняка подкрепление! Передай мне генерала, я больше не позволю причинить ему вред! А ты живо уводи правый фланг на прорыв, я возглавлю аррьергард в центре! Иначе сегодня отсюда не выберется никто! — Пока оставался хоть малейший шанс, стоило попытаться. Они уже потеряли командира всего отряда, и все, что он теперь мог сделать — это попытаться спасти как можно больше людей вместо самого Юэ Инъяна. Он верил, что если бы командовал Юэ Инъян, он принял бы именно такое решение!

— Нет! Я сам должен вернуть генерала домой... С тех пор как я пошел в армию, генерал во всем заботился обо мне, и благодаря ему появился нынешний Му Цзунбао. Я костыми лягу, но доставлю генерала в Вэйчэн! — Му Цзунбао поднялся с земли, обеими руками бережно прижимая к себе безвольное тело Юэ Инъяна, и стал высматривать коня без всадника, чтобы усадить на него командира.

— Цзунбао! — Тому предстояло командовать смертельным прорывом, так как же он сможет уследить за лошадью позади себя? Даже если удастся не уронить тело Юэ Инъяна во время безумной скачки, как гарантировать, что в жестокой схватке враги не нанесут ему еще пару

ударов?! Лю Иньчжэнь снова схватил потерявшего рассудок Му Цзунбао.

— Пусти! — свирепо глянул на него Му Цзунбао.

— Не пущу! — Уж лучше стоять здесь и ждать смерти, чем позволять ему тащиться вперед ради бессмысленной гибели. В глазах Лю Иньчжэня читалась такая же непреклонность.

Высокая темная фигура внезапно вклинилась между ними.

— Отдай его мне! — Всадник протянул руки к Му Цзунбао не терпящим возражений жестом.

Оба вздрогнули и обернулись, с полным неверием глядя на мужчину, гордо восседавшего на коне. Тот был вынужден резко остановиться посреди бешеной скачки и теперь тяжело и нетерпеливо фыркал ноздрями, выпуская клубы горячего пара, а сам наездник походил на сошедшего с небес божественного воина.

— Отдай его мне! — Увидев, что Му Цзунбао медлит, мужчина нахмурился еще сильнее, чуть прищулив глаза, но голос его при этом стал еще глуше и тише.

За спиной облаченного в золотые доспехи мужчины восходящее солнце рассеивало бледные лучи, но их оказалось достаточно, чтобы разогнать тяжелые тучи, висевшие над ними всю ночь.

<http://bllate.org/book/21138/2144062>